

УДК 821.161.1-3 “19” Колосов

Капралова И.Г.

Московский государственный областной университет

**ПОВЕСТЬ В.М. КОЛОСОВА
«ПРОГУЛКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ МОНАСТЫРЯ СИМОНОВА»
В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ НАЧАЛА XIX В.**

I. Kapralova

Moscow State Regional University

**V. KOLOSOV'S STORY "WALK AROUND SIMONOV MONASTERY"
IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN HISTORICAL PROSE OF EARLY 19TH CENTURY**

Аннотация. В статье рассматривается творчество малоизученного русского писателя конца XVIII – начала XIX в. Василия Михайловича Колосова (1782 – 1857). На примере повести «Прогулки в окрестностях монастыря Симонова» показано сочетание разных жанров: sentimentalной повести, путешествия, идиллии. Представлено sentimentalное изображение истории с помощью различных художественных средств; дана характеристика своеобразия историзма писателя. В статье проанализированы связи повести В.М. Колосова с традициями прозы Н.М. Карамзина (повесть «Бедная Лиза»).

Ключевые слова: историческая повесть, историзм, В.М. Колосов, литература и история, sentimentalизм, предромантизм.

Abstract. The article considers the work of insufficiently known Russian writer of the late 18th – early 19th century Vasily Kolosov (1782 - 1857). On the example of the story "Walk around Simonov monastery" the author of the article shows the combination of different genres of sentimental novels, travel, idyll. The writer presented sentimental picture of history through different artistic means, and special attention is paid to characteristic of the writer's historicism. The paper analyzes the relation of V. Kolosov's story to the traditions of N. Karamzin's prose (story "Poor Liza").

Key words: historical novel, historicism, V. Kolosov, literature and history, sentimentalism, romanticism.

Творчество Василия Михайловича Колосова (1782—1857), русского писателя sentimentalного направления, последователя Н.М. Карамзина, в основном привлекало внимание составителей обобщённых справочных изданий о русской литературе рубежа XVIII-XIX вв., биографических и библиографических словарей русских писателей [4; 24]. Судьба его – пример типичной карьеры чиновника первой трети XIX столетия. В 1802 г. Колосов поступил на службу в ведомство Экспедиции кремлёвского строения, впоследствии принимал участие в работе различных комиссий (1803–1813 – в грузинской, 1808–1812 – в комиссариатской и др.). В 1830 г. служил смотрителем Кремлёвского архитектурного училища, был уволен в обер-офицерском чине в 1832 г. по состоянию здоровья.

Не более известно и о литературном творчестве Колосова. Первые его стихи были напечатаны в Москве в 1801 г. по случаю восшествия на престол Александра I. Несколько стихотворений опубликовал в 1803–1805 гг. в «Друге просвещения» и «Новостях русской литературы»; входил в число авторов вышедшего в Москве в 1814 году «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 г.».

© Капралова И.Г., 2013.

В различных словарных изданиях сведения о творческом пути В.М. Колосова в основном касаются библиографии сочинений писателя. Так, в Справочном словаре Геннади представлены следующие произведения В.М. Колосова: «Плач России и неизречённая радость о восшествии на престол императора Александра I» (М., 1801); «Плод энтузиазма, лирическое сочинение» (на случай коронаций Александра I), (V. 1801); «Прогулки в окрестностях Симонова монастыря» (М., 1806); «Воробьёвы горы» («Новости Русской Литературы», 1804 г.); «Стихи Петру Андреяновичу Познякову на случай открытия им, в его доме, публичных представлений и маскарадов в пользу бедных и инвалидов 1814 года» (М., 1814); «Хор в честь русских героев, избавивших Европу от французского ига» (М., 1814) [2, с. 123]. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (1890-1907) приводятся и другие публикации писателя: «Глас Россиянина» (М., 1814); «Польский в честь императора Александра I» (М., 1814); «Польский на день рождения императора Александра I» (М., 1814). Также в словаре высказывается мысль о посредственности стихов В.М. Колосова, а также о написанном в прозе произведении «Прогулки в окрестностях Симонова монастыря» (М., 1806 г.), представляющем собой «слабую дань карамзинской сентиментальности» [4, с. 24].

Повесть В.М. Колосова «Прогулки в окрестностях монастыря Симонова» практически не привлекала внимания исследователей. Между тем, это интересный образец массовой литературы сентиментализма, свидетельствующий о популярности наиболее распространённых мотивов карамзинской прозы, её основных приёмов, бывших основой привлечения читательского внимания. «Прогулки...» представляют собой соединение жанров сентиментальной повести, путешествия, путеводителя, идиллии, научно-популярной статьи и отчёта о филантропических мероприятиях. Сам стиль, сентиментальное отражение истории являются средствами возбуждения чувства у публики. Уже в обращении к

читателям прослеживается сентиментальная направленность, В.М. Колосов посвящает свой труд «сердцам чувствительным и душам благомыслящим» [7, с. 3]. В предисловии автор называет свое произведение «слабый цветок в неувядаемом саду отечественной словесности» [7, с. 6] и надеется, что повесть его доставит удовольствие «читателям и читательницам», явно ориентируясь на женский вкус, «чувствительность» как нравственно-эстетическую установку, необходимую для достижения сентименталистского идеала чтения-сотворчества.

В дальнейшем приёмы сентименталистского повествования о жизненных впечатлениях, бывшие необходимым содержанием «прогулки» как особого жанра, постоянно взаимодействуют с собственно литературными реминисценциями, в первую очередь из произведений Н.М. Карамзина и близких ему авторов (так, автор упоминает повесть «русского Стерна» «Бедная Лиза» [7, с. 12-13], философский трактат Ш. Бонне «Созерцатель природы», бывший одним из любимых источников для писателей-сентименталистов в построении природных картин [7, с. 19], переводы повестей Мармонтеля, выполненные Н.М. Карамзиным [7, с. 23] и др.).

Характерная для сентиментализма установка на риторичность художественного изображения окружающего мира приводит в повести Колосова к тому, что писатель словно бы балансирует в своём видении действительности между собственно жизненными впечатлениями и теми литературными ассоциациями, которые уже связались с этими впечатлениями как в душе чувствительного автора, так и его читателей. Само видение панорамы Москвы в начале «Прогулок...», равно как и структура периодов, оказываются спроецированы на карамзинские описания города и размышления об одиноких прогулках, помещённые в начале «Бедной Лизы»¹: «Кому из Московских жителей не

¹ О популярности этого приёма, прочно ассоциировавшегося в читательском сознании той поры с творчеством Н.М. Карамзина, и в первую очередь с повестью «Бедная Лиза», см. [1, с. 1-12]

известны очаровательные окрестности Монастыря Симонова? – Чьё сердце, напитаемое чувствительностью, не ощущало приятных биений при прогулке в Майские вечера благоарастворённые, по усеянными ароматическими цветами лугам, окружающим знаменитые древностию стены и башни его?...» [7; 7]; ср.: «Может быть, никто из живущих в Москве не знает так хорошо окрестностей города сего, как я, потому что никто чаще моего не бывает в поле, никто более моего не бродит пешком, без плана, без цели – куда глаза глядят – по лугам и рощам, по холмам и равнинам. Всякое лето нахожу новые приятные места или в старых новые красоты» [6, с. 605].

Основу литературной традиции жанра прогулки для литературы русского сентиментализма составляли в основном «Прогулки одинокого мечтателя» Ж.-Ж. Руссо, в свою очередь ставшие основой для вариаций жанра в творчестве Н.М. Карамзина («Прогулка», «Письма русского путешественника»), М.Н. Муравьева («Обитатель предместья», «Утренняя прогулка»), И.М. Долгорукова («Прогулка в Савинском», «Прогулка на Трёх горах» и др.). Общие черты, проявляющиеся в указанных произведениях, позволяют говорить о «прогулке» как особом типе выстраивания отношений человека и природы, особом состоянии души, а также о «прогуливающемся» лирическом герое, некоем «дворянине-философе», открытом всем впечатлениям бытия. Эта-то открытость и становится основанием тех ассоциативно обусловленных образов, возникающих в литературном описании «прогулки»; их последовательность и сменяемость связана с передачей сочувственного восприятия картин природы, отличавшего тот тип художественного творчества, который сложился в литературе сентиментализма.

Именно такой тип выстраивания взаимоотношений человека и окружающего мира – однако представленный на «низовом» уровне массовой литературы – присутствует в повести В.М. Колосова. Свободно переходя

в изложении впечатлений с одной темы на другую, автор замечает: «Будучи рабом сбивчивых мечтаний моих, перенёсся я к изгибам сердца человеческого, рассуждал о пагубных следствиях страстей и обольщения» [7, с. 12] – так мотивы «Бедной Лизы» появляются в его сознании вслед за воспоминаниями об «истории деяний человеческих». Житейские впечатления прогулки выводят рассказчика к философским размышлениям о Боге, мудрость и благодать которого открывается в картинах природы: «Премудрый Творец и Правитель миров видимых и невидимых! – Произнёс я в сердечном умилении, – сколь велик Ты и непостижим сам в себе, столько же велик в Твоём творении!» [7, с. 15].

Особое место в повести занимают идиллические мотивы. Это задано уже изначальной авторской установкой: ориентироваться на нежный, в первую очередь женский вкус читательниц. Идиллическое начало разлито в представленных картинах природы, в самом перечислении пейзажных деталей заметна установка на особую «сладость», трогательность описания, которое должно пробудить в читателе не только этическое «сочувствие», но словно бы сходные ощущения – цветов, звуков, запахов: «Палевые пятна, разбросанные по голубому горизонту, предвещали скорый восход солнца. Кукушкины слёзки и полевые жасмины освежали чувства... благоуханными испарениями; гористовка и малиновка как нектаром упояли меня гармонической своею песнию...» [7, с. 15]. Потому-то прогулка по деревням в окрестностях Симонова монастыря проецируется в описании на пасторальную традицию: автор будто бы гуляет по Аркадии, бродит по хижинам её обитателей, жилищу Палемона – героя повести Мармонтеля. В идиллических тонах выдержан и эпизод встречи с крестьянами – добрым стариком и двумя детьми, его воспитанниками; старик сам рассказывает путешественнику историю собственной жизни, «с простым, но трогательным красноречием» [7, с. 38].

Однако наиболее значительное место в повести Колосова занимают исторические

мотивы. Обращение писателя к ним также обусловлено жанровым заданием «прогулки», включавшим не только передачу эмоционально-субъективных впечатлений рассказчика, но и своеобразную просветительскую цель – созерцая встречающиеся памятники протекших времён, раскрыть перед читателем исторические ассоциации, с ними связанные. Этот опыт был хорошо известен тогдашним поклонникам сентименталистского направления в литературе по историческим очеркам Н.М. Карамзина, появившимся на страницах «Вестника Европы»: «Исторические замечания и воспоминания по пути к Троице» и др.

Исторические мотивы возникают в повести Колосова постоянно, тесно взаимодействуя с собственно «чувствительными»: созерцание трогательных картин окружающего мира ассоциативно вызывает в памяти повествователя события прошлого, которые с ними связаны. В результате и сама история обретает здесь лирическую, эмоциональную окрашенность. Так, субъективно-эмоциональные тона присутствуют в своеобразном автопримечании – исторической справке о прошедших годах Симонова монастыря в начале повести: «Симонов мужской монастырь первого класса, в Москве за Земляным городом, как значится в общем о монастырях описании, начат строиться Св. Феодором, Архимандритом, племянником и учеником Преподобного Сергия Чудотворца <...> Внутри сей церкви погребены Александр Пересвет и Родион Ослеб, иноки, коих в 1380 году великий Патриот, Св. Сергий, избрав из монашествовавшей братии, снабдил оружием для защищения России от нападения со многочисленным войском Мамаю, Князя Татарского, при Державе Великого Князя Димитрия Иоанновича Донскаго. <...> При воззрении на скромные их мавзолеи, я осмелился начертать несколько стихов, кои здесь и помещаю: Сыны смирения, Герои в грозной брани! // Спасена вами Мать на вас с улыбкой зрит; // Почтенны иноки! – простря нежнейши длани, // Венцом бессмертия Рос-

сия вас дарит: // Покойтесь, славные. В священных сих стенах, // Вам жертвы воскурят в позднейших временах!..!» [7, с. 8-9]. Трогательная история старика вводит в контекст авторских размышлений воспоминания о Екатерине II и русско-турецкой войне, подвигах русских солдат при взятии Очакова. Картины села Коломенского и Царицына вызывают в душе автора воспоминания о Петре I, Екатерине II, о великом прошлом России: «Коломенское!... твоё имя начертано в сердце моем – в сердце каждого Россиянина! – с именем Петра оно пребудет незабвенным в позднейших летописях нашей истории!.. <...> Великая почла себе за долг посетить колыбель Великого и поставила счастливое своим жребием, процветающее снова Царицыно прекрасным памятником своего присутствия» [7, с. 51-52].

При этом обращает на себя внимание, что историческое у Колосова, как правило, предстаёт в тесном взаимодействии с природным. Одним из образов, который способствует установлению этой связи в повести, становится усадьба. По определению Д.С. Лихачева [8], Е.Е. Дмитриевой [3], Е.П. Зыковой [5] и др. современных исследователей литературного контекста усадебной образности, усадьба, как и сад, несла в себе идею синтеза различных временных рядов, словно бы останавливала время. Попытку такого видения находим и в повествовании Колосова. Так, земля Коломенского и Царицына до сих пор помнит шаги Екатерины «на коврах зеленобархатных» [7, с. 51], т. е. на лужайках усадьбы. Гуляя среди исторических мест, герой повести собирает впечатления подобно своеобразному «гербарии» (мотив, восходящий к «Прогулкам одинокого мечтателя» Руссо), что также наполняет размышления о прошлом субъективно-эмоциональным содержанием.

Историческое в повести Колосова тесно переплетено с размышлениями о сегодняшнем дне, прежде всего о правлении Александра I, изображение которого благодаря подобному приёму получает больший масштаб,

позволяет выявить сущность тех нравственных и политических «уроков», которые даёт история. Так, при посещении деревни Кожуховская, автор размышляет о неразрывной связи сегодняшнего дня и великого славного прошлого: «Да устыдятся самих себя... враги наши и, повергшись в чистосердечном раскаянии к стопам венчанной Кротости в образе Александра Первого, да научатся из младых премудрых уст его сей высокой истине, что не война, а мир творит счастливыми человек!» [7, с. 49].

Таким образом, повесть Колосова вбирала в себя элементы не только различных жанровых моделей «массовой» прозы рубежа XVIII-XIX вв., близких сентиментализму, но сохраняла рационально-нормативную установку на дидактизм, а также неизбежную условность изображения истории, свойственную классицистской традиции. Эклектичность позиции позволила Колосову-писателю выстроить художественную модель прошлого, в которой сочетались бы эмоционально-субъективное и дидактическое, личностное и «всеобщее» начала, что и определило его своеобразное место в истории «массового» карамзинизма в русской литературе начала XIX века.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алпатова Т.А. Литературное образование М.Ю. Лермонтова и проблема места русского XVIII века в историко-литературной концепции поэта // Электронный журнал «Вестник МГОУ». – М., 2013. – № 2. – С. 1-12.
2. Геннадии Г.Н. Справочный словарь о русских писателях и учёных, умерших в XVIII и XIX столетиях и список русских книг с 1725 по 1825 г. – Берлин, 1880. – Т. 2. – 438 с.
3. Дмитриева Е.Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа. – М., 2008. – 528 с.
4. Зорин А.Л. Колосов В.М. // Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. – М., 1994. – Т. 3. – С. 24.
5. Зыкова Е.П. Поэма о сельской усадьбе в русской идиллической традиции // Миф. Пастораль. Утопия. Литература в системе культуры. – М., 1998. – С. 58-71.
6. Карамзин Н.М. Избранные сочинения: в 2-х т. / сост., подгот. Текста и примеч. Г.П. Макогоненко. – М.; Л., 1964. – Т. 1. – 671 с.
6. Колосов В.М. Прогулки в окрестностях монастыря Симонова. – М.: В типографии Платона Бекедова, 1806. – 87 с.
7. Лихачёв Д.С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. – М., 1998. – 471 с.
8. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (1890—1907). – Т. 15. – СПб., 1895. – 867 с.